

Клод выбросил Кефни и ее сестру из головы, как только покинул пирс. Он старался не смотреть на них. Отчасти это было из-за того, что он был слишком застенчив, чтобы встретиться с ними лицом к лицу. Кефни была хорошенькой девушкой и начинала превращаться в красивую молодую женщину, и, если бы она оказалась хотя бы наполовину такой же, как ее сестра, ему было бы трудно держать свои руки подальше от нее. Отчасти из-за того, что он был потрясен тем, какой смелой она была, несмотря на то, насколько она застенчива. Он не думал, что у нее хватит духу вот так окликнуть его. Эриксон сказал ему, что ее сестра работает барменшей. Так что он не удивился такой смелости. Но вот сама она - совсем другое дело. Мало кто был также застенчив, как она.

Кучер помог ему сойти и войти в здание, а затем помчался обратно к пирсу. Травник оказался стариком с длинной козлиной бородкой. Он тщательно осмотрел его, особенно ногу, а затем сказал, что ему придется сделать хорошее кровопускание.

Клоду почти хотелось задушить этого человека, но у него не было другого выбора, кроме как принять его решение. Он не знал, как правильно лечить свою рану, но даже он знал, что это кровопускание было не лучшим выбором. Тем не менее, в этом мире он не имел права идти против медицинских решений аптекаря.

Узнав, что ему сделают кровопускание, он вздохнул. Мужчина протянул ему деревянную палочку.

“Прикуси её” - сказал он.

Прикусить её? Почему он должен был ее прикусывать?

Вскоре он узнал зачем.

В этом мире не было местной анестезии, и даже небольшой порез вены был мучителен без нее. Тот же эффект можно было бы достичь и с некоторыми ядами, но, будучи ядами, они имели многочисленные побочные эффекты и должны были вводиться в очень ограниченных и контролируемых дозах, иначе они были бы смертельными. То, что мужчина засунул в разрез маленькую палочку, чтобы открыть его, тоже не помогло.

Лицо Клода никогда в жизни не было таким бледным. Холодный пот, наполовину замерзший, лился рекой по его лицу и спине. Он мог поклясться, что почувствовал, как в одном месте треснул зуб. Он умолял этого человека избавить его от страданий, и тот достал деревянный молоток. Он чуть не спрыгнул со своего места, когда увидел, что эта штука приближается к его затылку, и выбрал вместо нее палочку.

Он точно не был горд следующим часом этого дня. Большую часть времени он хныкал, как девчонка, которую основательно опустошили. Он пережил всего два эпизода и почти так же

боялся зубной боли, которая, как он знал, будет мучить его всю следующую неделю, как и самого аптекаря. Однако он вынужден был признать, что старик довольно хорошо справляется со своей работой. Он зашил разрез маленькими аккуратными стежками и тщательно наложил шину на ногу. Он покрыл большую часть его, прежде покрытой синяками лазурного цвета, ноги целебной смесью из зеленой пасты, прежде чем тщательно перевязать её и наложить другую пасту на повязку, которая бы быстро затвердела. Она покрывала все от бедер до икр, превращая всю его ногу в шест.

Он будет выглядеть чертовски забавно, прогуливаясь в течение нескольких недель между этим моментом и тем, когда он сможет снять её. Ему не нравилась эта мысль, но он очень быстро перестал беспокоиться, когда услышал, что ему, возможно, придется столкнуться с еще одним кровопусканием, если старик не будет доволен его прогрессом во время их следующего осмотра через три дня.

В тот вечер он вернулся домой очень поздно. Кучер внес его в дом, как маленькую принцессу. Его мать чуть не упала в обморок, когда увидела его. Если бы его нога была не единственной травмой, он не сомневался, что его мать действительно упала бы в обморок. Слухи обладали невероятной способностью превращать кротовую нору в гору; к тому времени, когда новость дошла до его матери, крокодил оторвал ему ногу, которую они нашли в его желудке.

Он дал ей очень подробное описание лечения, убедившись, что его боль была вызвана кровопусканием. Его речь стала невнятной к концу описания, а челюсть начала болеть и дергаться. Его щеки надулись, как будто он набрал вес, и ему было трудно просто глотать, не говоря уже о еде.

Отец ничего не сказал, но Клод заметил переполненную пепельницу на столе. Его отец сам видел крокодила по дороге домой. Он был зол на своего сына за то, что тот так безрассудно поступил, но большая его часть рассеялась в гордости, когда половина города похвалила храбрость его сына, а затем превратилась в беспокойство, когда он услышал, что его тяжело ранили и отвезли в аптеку. Он никак не мог решить, правильно ли поступил, купив мальчику мушкет. Конечно, это спасло ему жизнь, но, если бы у него не было мушкета, его бы там вообще не было.

Он не мог что-то об этом сказать после того, как спросил себя, что бы он сделал в этой ситуации. К своему большому огорчению, он пришел к выводу, что застыл бы в панике.

Он знал о склонности Боркала и Эриксона преувеличивать свою роль в подобных событиях, поэтому не сомневался, что именно его сын был главным виновником гибели крокодила и их выживания. Он не знал, как это удалось его сыну, и из-за своего собственного достоинства не хотел спрашивать, так что принял их версию событий, хотя и с большой долей сожаления.

Он вдруг понял, что с каждым месяцем понимает своего сына все меньше и меньше. Он не знал, чему его учить, и уж тем более как это делать. Арбайт был его старшим сыном, и он был глубоко вовлечен в его воспитание, но мальчик превратился в настоящее разочарование на некоторых важных фронтах, несмотря на то, что произвел впечатление на других. И именно тогда его научили идти по стопам отца. Клод шел совершенно другим путем, о котором его

отец почти ничего не знал. Он никогда раньше не сомневался в правильности своего выбора, но сегодня днем поймал себя на мысли, что не ошибся. Его сын оказался даже лучше, чем его старший брат, и не только в тех областях, где его брат был не так уж хорош.

Он был слишком занят своими мыслями, чтобы упрекнуть сына. Какая-то маленькая его часть думала, что он не имел права упрекать мальчика в чём-то. Кроме того, безрассудно или нет, но это был немалый подвиг, подстрелить гигантского крокодила, тем более отделавшись только лишь сломанной костью и разорванной мышцей. Однако он не прислушался к этой маленькой части своего разума и собрался с духом, чтобы строго отчитать сына и запретить ему снова ходить на болото.

Клод послушно кивнул, что стало довольно редким явлением в последние месяцы после его болезни. Его мать, как всегда, безукоризненно рассчитала время и принесла ему суп и хлеб как раз в тот момент, когда отец закончил свою лекцию. Он был очень голоден, но вынужден был медленно потягивать его сквозь сжатые челюсти.

Он закончил почти через полчаса, и его мать спросила его обо всех рыбах, которые Великро прислал, когда она убирала со стола. Все они были белыми чешуйками, рыбой, которую скармливали только домашнему скоту. Великро хотела выбросить их обратно в озеро, когда их поймали, но Клод настоял на том, чтобы оставить их себе.

"Они уже прислали их сюда? Они прислали что-нибудь еще?" - спросил он.

"Немного говядины, баранины, три длиннохвоста и утка." - сказала мать, вернувшись из кухни.

"Я велел им прислать белые чешуйки, - сказал он, - они отлично прожарены. Можете поджарить их целиком. Кости достаточно малы, чтобы уколоть, и чешую тоже можно не убирать. Просто вырежьте им кишки."

Мать больше ничего не сказала. Она уже давно отказалась от попыток выяснить, откуда у ее сына взялись эти диковинные кулинарные идеи. Однако они никогда не разочаровывали ее, поэтому она довольствовалась тем, что просто наслаждалась плодами его темного ума. Вместо этого она поручила Анжелине чистить рыбу, а сама приготовила горшочек с маслом. Вскоре дом наполнился запахом жареной во фритюре рыбы. Масло вообще-то было довольно дорогим товаром, но его родители научились давать Клоду свободу использовать то, что он хотел, как он хотел на кухне, так что масла всегда было достаточно. Он хотел приготовить ютияо, что-то вроде китайской закуски из жареного теста, но они оказались совершенно бесформенными. Во всяком случае, это не помешало маленьким негодяям слопать их все.

Его отец просто продолжал пыть трубой, тщательно выясняя у него подробности всего этого дела. У Клода не было таланта рассказчика, как у двух его друзей, и многое из того, что произошло, было для него как в тумане, так что его версия событий была намного короче, чем у Боркала и Эрикссона.

Выражение лица его отца немного смягчилось, когда он услышал, что они пытались просто

уйти и не пошли на конфронтацию с самого начала. К несчастью, тростник удерживал их на месте и не давал им уйти, так что они были вынуждены встретиться лицом к лицу с крокодилом.

Отец вспомнил полузатонувшую рыбацкую лодку, которую он видел на пирсе, и содрогнулся. Он положил трубку и расширил свой запрет на действия сына до любых экскурсий на озеро. Он мог охотиться на мелкую дичь прямо за городом и только.

Обычно Клоду удавалось убалтывать отца, но на этот раз тот был настроен решительно. В конце концов он сдался и кивнул, чувствуя себя побежденным.

Его мать и сестра принесли жареную рыбу, и два маленьких негодяя проглотили ее горстями.

“Все, что делает брат, очень вкусно.” - выдохнул Блоуэйк между делом.

Щенок потянул его за рубашку, чтобы попробовать, но как бы Блоуэйку это ни нравилось, о том, чтобы разделить с ним еду, не могло быть и речи.

“Это я его приготовила, - упрекнула его мать, с притворной яростью стукнув его по голове. - твой брат только предложил рецепт.”

Анжелина была более щедрой, чем ее младший брат, и протянула хрустящую рыбью голову щенку, который быстро оставил своего маленького хозяина ради своей молодой хозяйки.

Морссен откусил кусочек.

“Масло было недостаточно горячим, они размокли. Но вкус хороший.”

Вскоре после этого Клод лег спать.

“Нужна помощь?” - спросил его отец, когда мальчик неуклюже заковылял к лестнице.

“Нет, всё в порядке.”

Он остановился у ванной, чтобы быстро умыться, и проковылял остаток пути до своей комнаты. Он бы рухнул на кровать, если бы это не вызвало новую волну боли в ноге. Вместо этого он осторожно лег и, устроившись поудобнее, глубоко вздохнул.

Он попытался медитировать, но боль не давала ему сосредоточиться, и вместо этого он заснул.

На следующее утро он проснулся в холодном поту от тупой, ноющей боли и умылся, прежде чем спуститься вниз. Он отхлебнул еще одну порцию супа - во рту у него было еще хуже, чем накануне, и он сомневался, что в ближайшие пару дней ему станет лучше, - и приготовился идти в школу. Однако отец остановил его, когда он направился к двери, и сказал, что проводит его до школы. По дороге они зашли в магазин, и отец купил ему костыль.

Клод был не слишком счастлив. Он втайне планировал использовать свою травму как предлог, чтобы остаться дома на несколько дней, но отец опередил его на несколько шагов. Однако он не мог слишком сердиться на своего отца, тот был очень внимателен.

"Я не позволю тебе прогуливать школу, молодой человек. Ты не пропустишь из-за этого ни одного дня в школе, слышишь?"

"...Да, отец..." - пробормотал мальчик.

Лицо отца несколько смягчилось.

"Ты можешь попросить отгул от физических занятий. Во всяком случае, в них ты ничего сделать не сможешь."

<http://tl.rulate.ru/book/18306/790690>